

«Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова

Александр Котов

«The moral Caucasus» of I.P. Kornilov

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001574-9

Иван Петрович Корнилов часто упоминается в исследованиях, посвящённых политике самодержавия в Северо-Западном крае в 1860-е гг. Так, если А.А. Комзолова рассматривает его деятельность в контексте «одной из ярких страниц в истории русской интеллигенции на окраинах» — массового приезда в Литву и Белоруссию «облачённых в чиновничий мундир» «людей умственного труда», изо всех сил, но без особого успеха пытавшихся влиять на непоследовательные действия администрации по обрусению западных окраин, то М.Д. Долбилов усматривает во взглядах этого сподвижника М.Н. Муравьёва некий «русацкий антиэлитизм», а «Виленский вестник» А.И. Забелина, которому покровительствовал Корнилов, уподобляет «лаборатории ксенофобских эмоций»¹. Между тем даже незамысловатая его «интеллектуальная биография» пока ещё не написана.

Сын сподвижника А.В. Суворова и родственник прославленного севастопольского героя, И.П. Корнилов родился в 1811 г., служил в лейб-гвардии Измайловском полку, сражался в Польше во время подавления восстания 1830–1831 гг., а в начале 1850-х гг. поступил на службу в московскую Межевую канцелярию, где проявил не только широкий кругозор и деловые качества, но и определённые литературные способности. В его статьях и путевых очерках, появлявшихся после многочисленных служебных поездок, изображена значительная часть империи — от Астрахани до Восточной Сибири². Круг же его знакомств (не всегда отражённый в публикациях) затрагивал самые разные социальные страты — от волжских бурлаков до томившихся в Селенгинске Н.А. и М.А. Бестужевых.

Ранние публикации Корнилова, несмотря на обилие статистических сведений, отличались занимательностью, а также — повышенным вниманием к практическим государственным нуждам. Культ «благородного дикаря» Ивану Петровичу был чужд. Описывая жизнь «бродячих звероловов» Восточной Сибири, он характеризовал их «состояние» как «низшую степень общественного

© 2018 г. А.Э. Котов

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук, проект № МД-5387.2018.6. «Российская консервативная печать 1860-х — 1890-х гг. в борьбе с революционным и национальным радикализмом».

¹ Комзолова А.А. «Положение хуже севастопольского»: Русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII в. — XX в. М., 2004. С. 117–141; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 486, 497.

² Корнилов И.П. Очерки быта лесных зверопромышленников инородцев Восточной Сибири // Библиотека для чтения. 1851. Т. 108. Отд. 4. С. 1–30; Корнилов И.П. Сибирские белки. М., 1852; Корнилов И.П. Заметки об Астраханской губернии. СПб., 1859; Корнилов И.П. Волжские бурлаки. СПб., 1862.

быта», главной отличительной чертой которой являлось «равнодушие к жизни, доходящее до склонности к самоубийству». Жизнь «бродячих звероловов» чиновник межевого ведомства, в отличие от В.К. Арсеньева, очерчивал в исключительно мрачных тонах: «Драки семейные бывают очень не редки: муж и жена сидят в юрте перед огнём и молча поглядывают друг на друга. Вдруг жена без всякого повода к ссоре, бросается на мужа и начинает его таскать за волосы или бить головнёю, палкою, чем попало. Муж не защищается и смиренно переносит побои. Нежная супруга наконец утомляется и, прекратив занятие, садится на прежнее место; тогда муж в свою очередь и тем же порядком начинает бить жену. Глубокое молчание, царствующее в продолжение этой странной супружеской сцены, нарушается только гулом ударов». После таких наблюдений нельзя было не одобрять «благодетельные действия правительства к рассеянию мрака языческого невежества, к умножению грамотности и полезных сведений и к развитию производительной деятельности». И оставалось лишь дорожить тем, что, неся своё «бремя белых», «англоамериканцы угнетают и истребляют дикарей, а русские обращаются с ними с добродушием, свойственным нашему народу и благодетельное правительство наше печётся о них с отеческою заботливостью»³.

В то же время Корнилов познакомился с М.Н. Муравьёвым, в 1842–1862 гг. возглавлявшим Межевой корпус, а в 1850–1856 гг. занимавшим пост вице-председателя Императорского Русского географического общества (РГО). Вскоре Иван Петрович перешёл в Министерство народного просвещения, став инспектором казённых училищ Московского учебного округа, а с 1859 г. — помощником попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Делянова. В 1864 г. Муравьёв предложил ему занять пост попечителя Виленского учебного округа. Под началом знаменитого «вешателя» и его не менее «реакционного» преемника К.П. фон Кауфмана Корнилов развил бурную деятельность: основал в Вильне отделение РГО, живописную школу, публичную библиотеку и архив, куда активно собирал прежде всего памятники местной древнерусской письменности. Именно в возглавляемую Корниловым Виленскую комиссию для разбора древних актов в 1865 г. поступило знаменитое Туровское Евангелие XI в. Активно содействовал попечитель Виленского округа и организации церковно-приходских братств.

Одной из первых забот попечителя стало намеченное в генерал-губернаторской программе сокращение числа польских учителей в крае. Политические неблагонадёжных увольняли сразу, остальных либо освобождали от должности по выслуге лет, либо переводили в другие города. Однако местное литовское и белорусское крестьянство не могло восполнить образовавшийся дефицит педагогических кадров, и Корнилов обратился за помощью к М.П. Погодину, М.Н. Каткову и И.С. Аксакову, превратив в свои «отделы кадров» как Московский университет, так и наиболее влиятельные тогда газеты «русского направления». «Если бы наше общество лучше умело стоять за свои интересы, — писал он в редакцию “Московских ведомостей”, — то оно не ограничилось одним сочувствием, понимая очень хорошо, что на нашем западе идёт дело не об областных интересах, что Россия тогда только будет сильна и спокойна, когда её западная граница будет крепка и будет в силах стоять за Россию и ограждать собою Восток. Нам нужны люди; мы их ищем со свечою, одних местных деятелей недостаточно... надо умных и энергичных от Москвы людей и других из великорусских губерний в помощь Муравьёву». Чиновник патетически взывал к редактору: «Во имя дорогого для нас Отечества умоляю Вас употребить всё ваше влияние и красноречие, чтобы привлечь сюда на службу в гимназии, прогимназии и дворянские уездные училища русских учителей»⁴. Откликаясь

³ Корнилов И.П. Очерки быта... С. 1–2, 18, 30.

⁴ ОР РНБ, ф. 377, д. 360, л. 5–5 об.

на эти письма и отчасти их пересказывая в своей передовице, Катков убеждал читателей: «Потребность в людях там всё ещё очень большая, и всякий честный и дельный человек принимается там как дорогое приобретение, и всякий такой человек может смело отправляться туда в полной уверенности, что нигде нельзя принести теперь большей пользы добросовестною службой, как в Западном крае в настоящее время. Всякий найдёт себе здесь и службу по нраву, и удовлетворительное положение. Особенно чувствуется здесь потребность в учителях»⁵.

Из приглашённых и местных образованных чиновников вокруг Корнилова сложился целый кружок, в который входили его ближайшие сотрудники — А.В. Рачинский, В.П. Кулин, Н.Н. Новиков, А.И. Забелин и проч. Поскольку они собирались по субботам у окружного инспектора Кулина, недоброжелатели прозвали их «кулинистами» (позднее «кауфманистами»), самого же Корнилова, известного своей мягкостью по отношению к подчинённым, характеризовали как «человека слабого», всецело зависимого от им же вызванных чиновников и журналистов⁶. Пожалуй, наиболее ярким интеллектуалом в этом кругу был историк М.О. Коялович — автор «Лекций по истории Западной России», до сих пор не утративших своей актуальности.

Об эмоциональном настрое тогдашних «русификаторов», откликнувшихся на катковский призыв, можно судить по анонимному письму одного из служащих Радомской губ., напечатанному в «Русском инвалиде» — официальном органе Военного министерства, выходившем под личным наблюдением министра: «Мы, съехавшиеся со всех концов европейской и азиатской России, прибыли сюда не как *чиновники*, командированные из различных ведомств для пополнения штатного состава ведомства, вновь учреждённого, а как *вольная дружина*, взявшаяся за дело из любви к его основаниям, из сочувствия к тому направлению и духу, в котором оно ведётся. Выделенные обществом из *среды общественной*, а не *чиновников*, мы невольно будем нести на себе отпечаток того, как относится к нашему делу это общество, и потому за его равнодушием, пожалуй, последует и наше охлаждение, а от этого да избавит нас Бог!»⁷. Вместе с тем и сам Корнилов признавал в 1864 г. в письме к Каткову, что на «вызов» Муравьёва в Вильну «вместе с десятками дельных и честных людей явилось много голодных, ищущих, где бы пожить, явилось много неспособных, явились и господа, которые смотрят на поляков не так, как на плантаторское угнетающее сословие, но как на особую народность, и считают обязанностью своею примирить две национальности... Вместо того чтобы нравственно привлечь народ к восточным своим братьям, вместо того чтобы заставить его забыть и простить нам его страдания, которые по милости преступного к нему с нашей стороны равнодушия и невнимания он перенёс от поляков, эти господа смотрят на вчерашних палачей народа, как на угнетённых и поддерживают панские претензии, а паны поддразнивают народ, нашёптывая ему: вот ваши москали»⁸.

В контексте шедшей тогда борьбы между «милютинцами» и «партией „Вести“», а также неприятия значительной частью столичной бюрократии смутно формулируемых славянофильскими публицистами «русских начал», решительность и ревность «вольной дружины» «обрусителей» нередко воспринималась в Петербурге с недоверием. Сказывалась и обыкновенная инертность правительственного аппарата. «Я не знаю, что мне делать; бьюсь как рыба об лёд, а петербургский олимп так же мало заботится о северо-западном учебном деле, как и греческие боги», — жаловался Корнилов в 1864 г. брату (управляю-

⁵ Московские ведомости. 1864. № 54. 7 марта.

⁶ Комзолова А.А. «Положение хуже севастопольского»... С. 125.

⁷ Русский инвалид. 1864. № 195. 3 сентября.

⁸ ОР РНБ, ф. 377, д. 360, л. 4.

щему делами Комитета министров). «Разве можно довольствоваться внешним обузданием зла, — недоумевал он. — Вредное направление, как и в учебных заведениях, так и в массах народных, искореняется только нравственными мерами; внешние же меры наказания или награды служат только вспомогательными. Между тем у нас относительно польского вопроса правительство прибегало только к внешним мерам»⁹. Не случайно, отвечая на сетования Корнилова об административных препятствиях, встреченных при организации в западных губерниях церковных братств, Катков восклицал: «Странная участь русской народности! Русская народность считается у нас господствующею народностью, православная Церковь господствующею Церковью; но малейший признак жизни в русском обществе, малейшая попытка русских людей сгруппироваться для совокупного действия даже против организованной измены и революции, даже для поддержания православия и русской народности против организованной пропаганды, — это кажется нам чем-то странным, чем-то неудобным, даже опасным. Мудрено ли, что при таком взгляде на самих себя мы кажемся себе народом, лишённым духа жизни и действия?»¹⁰.

Недостаток поддержки центра особенно остро ощущался из-за той житейской неустроенности и социальной изоляции, в которой оказывались русские чиновники, прибывавшие на западные окраины. В 1866 г. Корнилов признавался Делянову, занявшему к тому времени пост товарища министра народного просвещения: «Местного русского влиятельного, образованного, представительного и богатого сословия пока ещё нет в здешнем крае. Русское дело держится и ведётся чиновниками, вызванными из внутренних губерний. В этом-то и есть наша слабая сторона. Что такое русский чиновник в Западном крае; имеет ли он семью, старинные связи, поместье в здешнем крае? Ничуть не бывало; это перелётная птица. Мы слетелись отовсюду и здесь заботимся между собою и знакомимся с краем и нашими обязанностями; у всех нас чемоданы наготове; не понравимся — переведут, уволят от службы и след простыл, и другой является на наше место учиться и знакомиться»¹¹. Год спустя оппонент Корнилова, М.Ф. Де-Пуле, защищавший политику следующего, более умеренного, виленского генерал-губернатора гр. Э.Т. Баранова, в ответ на упреки газет «русского направления», писал в «Виленском вестнике» практически то же самое: «В сочувствии мы все здесь нуждаемся... Пора нам перестать играть в “измену” и считать самих себя уже из рук вон простаками. Не радостна и без того, без этих намёков и оскорблений, жизнь “виленского деятеля”, прибывшего сюда с востока. Вильна Капуей может показаться разве обитателям чердачных подвалов. Проститься с этой Капуей — для многих заветная мечта. Борьба всех родов и подозревающие, оскорбительного свойства крики лишь ускоряют осуществление этой мечты; удерживает, даёт устоя, поднимает силы лишь вера... доверие к людям... Нет, Вильна не Капуя, и виленские русские, если только они не успокаиваются на “белоруссизме”, ещё долго будут нуждаться в нравственной поддержке и в сочувствии от русских Москвы, Петербурга, Харькова, Казани — от всего русского востока, где колыбель, корень и рост нашей народности и гражданственности»¹².

Как полагали чиновники Западного края, от наличия подобной поддержки зависели не только результаты их деятельности, но и судьбы России. «Здешний край имеет для нас громадное и не всеми ещё понимаемое значение, — писал Корнилов А.И. Ишимовой в 1865 г. — Он может служить или широким, открытым полем для вторжения в недра России разлагающих начал, или твёрдым

⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908. С. 104.

¹⁰ Московские ведомости. 1864. № 54. 7 марта.

¹¹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 261.

¹² Виленский вестник. 1867. № 138.

оплотом для ограждения от них нашего отечества... Здесь своего рода Кавказ нравственный; борьба русских начал против враждебных политических и революционных обществ»¹³.

Причём одной лишь армией одержать победу в данной борьбе, по мнению Ивана Петровича, было невозможно. «Нечего нам вооружаться против полонизма войсками, пушками, полицией тайною и явною, — внушал он в 1867 г. Делянову. — Польская интеллигенция не уступит своего места физической силе; она может уступить только другой интеллигенции, более здоровой и симпатичной и охотнее принимаемой народом. Одни лишь административные да военные меры возбуждают только протест и озлобление и даже усиливают неуважение, вражду и ненависть. Как нарочно, в Северо-Западном крае мы являемся полякам во всей грозе физической силы и во всей немощи нравственной». Тем не менее «Виленский учебный округ, составленный из русских людей, ведёт, конечно, в духовной сфере решительную, открытую, наступательную борьбу против всего того, что враждебно России; он поднимает нравственно здешний русский народ; во всём крае громко и смело раздаётся теперь русская речь, русская песня и расходится русская книга. Белорусс мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана... Русский язык и русская вера перестают называться хлопскими; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не щеголяют; полонизм, осаждаемый отсюда пробуждающимися нравственными силами, видимо ослабевает». Корнилов не сомневался в том, что «русское образование сильнее русского штыка», и «в какие-нибудь четыре года русские школы сделали более для обрусения края и ослабления полонизма, чем войска в десятки лет». «Сравните же, — предлагал он Делянову, — чего стоят государству войска, крепости, военное положение, жандармы, полиция, и решите, что надёжнее, успешнее, дешевле. Учебный округ мог бы действовать вдвое успешнее, если бы к средствам, которыми теперь располагает, добавить сумму, которая теперь расходуется на содержание одного батальона»¹⁴.

О том же Иван Петрович настойчиво твердил своим московским друзьям. «Наука должна явиться во всей грозе на защиту государственных и народных прав, — писал он из Вильны Погодину, — должна разрушить авторитет польской лжи, должна навести страх обличения на поляков, ошеломить их, вывести на Божий свет истину так называемого польского вопроса. Из пушек можно стрелять в поляков, но не в полонизм. Никто не спорит, что разбор какого-нибудь верхотурского или оренбургского архивов может предоставить ценные данные для разъяснения нашей государственной и общественной деятельности на востоке. Но для разрешения или правильного освещения современных, жгучих, роковых вопросов, возникающих на западе нашего отечества, занимающих нас, не дающих нам покоя, смущающих совесть многих нерешительных и колеблющихся от незнания или неверного понимания дела людей, — подобное отвлечение учёных сил на разработку давно поконченных или второстепенных вопросов, не принесёт ни малейшей пользы. В особенности здесь наука имеет политическое, государственное значение, а потому наши наличные учёные силы должны быть привлечены к западному вопросу»¹⁵.

При этом в изучении литовской и белорусской истории попечитель Виленского учебного округа видел прежде всего инструмент политической борьбы: «Самая полная, беспощадная гласность и в обширном смысле исторические исследования с помощью археологии, этнографии и статистики нанесут смертельный удар учению, основанному на пристрастии и на своекорыстных деспотических расчётах беспутно отживающего свой век шляхетства»¹⁶.

¹³ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 137.

¹⁴ Там же. С. 281.

¹⁵ ОР РНБ, ф. 377, д. 380, л. 1–1 об.

¹⁶ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 146.

Следуя за В.И. Ламанским и А.Ф. Гильфердингом, Корнилов считал Литву неотъемлемой частью Западной России и напоминал, «что древнейшие и знатнейшие князья и бояре западнорусские и литовские исповедовали православную веру и на Люблинском сейме торжественно стояли за православие и русские начала»¹⁷. Однако поляки силой водворяли католичество в Великом княжестве Литовском, «беспощадно и навсегда погубили сокровища нашей древней духовной жизни» — «вот причина, почему в западной России, на этой древнейшей русской земле, уцелело памятников русской старины несравненно менее, чем в восточной России». В отличие от сугубо «внешнего» владычества Орды, способствовавшего к тому же «уничтожению на Руси пагубной удельной системы и к утверждению единодержавия» «польское господство в западной России имело характер внутренней, домашней тираннии», усиливавшейся впоследствии тем, что до 1863 г. «самоуверенная и властная, но мало сведущая в западно-русских делах петербургская бюрократия и либералы, заправлявшие тогда русским общественным мнением и литературой, — сами находились под влиянием поляков»¹⁸.

Поэтому главную проблему Корнилов видел не столько в действии «польской интриги», сколько в состоянии местного русского общества — в «бездействии русского ума и молчании русского печатного слова в обширном крае, где среди шестимиллионного населения так недавно ещё процветала польская литература»¹⁹. Соответственно, одной из важнейших задач своей деятельности Иван Петрович, отмечавший в путевых заметках «печальное, почти заброшенное состояние западной русской археологии»²⁰, считал то, «чтобы на западных окраинах империи, среди местного коренного населения явились представители русского и литовского народов, которые бы напоминали доблестных православных князей Острожских, Сапег, Чарторыйских и многих других»²¹.

Как и многие публицисты «русского направления», Корнилов неоднократно утверждал: «Мы боремся не с польским народом; напротив того, польский простолудин заодно с нами; известно, что русские войска и правительство защищали его от революционного ржонда; не русские вешали крестьян в Польше и западных губерниях; их вешали, мучили и грабили революционные жандармы-вешатели; их терзали благородные руки шляхтичей-патриотов и смиренных служителей католического алтаря»²².

Вслед за И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным, М.В. Юзефовичем и другими публицистами «русского направления» Корнилов говорил о феодально-аристократической природе польского мятежа и «полонизма» как такового. По его словам, «в польской истории никогда не бывало того всенародного участия в событиях, какое проявлялось в истории русских удельных княжеств и вольных городов Новгорода и Пскова, а также в междоусобице, при избрании на царство Михаила Фёдоровича, в войну 1812 г. и пр[оч]. Даже в последнее время, в польских мятежах 1830-го, 1831-го и 1863-го годов, русское правительство имело дело только с польскою интеллигенциею и с небольшим числом завербованных дворовых людей. Бессилие польских мятежей объясняется именно полным равнодушием к ним простонародья»²³.

Это порождало особый «демонический тип патриота», появившийся в Польше «под влиянием антихристианского лжеучения латинского иезуитизма

¹⁷ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы западных губерний. СПб., 1897. С. 7–10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 335.

²⁰ Корнилов И.П. Путевые заметки. Витебск, 1905. С. 24.

²¹ РГИА, ф. 970, д. 185, л. 2–3.

²² Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 117.

²³ Корнилов И.П. Путевые заметки. С. 6.

и их основной доктрины, будто цель оправдывает средства». Его художественным выражением стал «идеальный польский патриот» — Конрад Валленрод, изображённый А. Мицкевичем идейным «предателем, который под обманчивою внешностью, при помощи обмана, измены и коварства, старается вредить врагам своего отчества, жертвуя для этого своей жизнью»²⁴. Эти черты попечитель обнаруживал даже в школах. «Самые детские шалости имеют особый местный характер, — делился он в 1865 г. своим педагогическим опытом с А.В. Головинным, — и отличаются иезуитизмом, осторожностью, фальшивостью, злопамятностью, не свойственными русским детям, в которых более живости, прямоты, простоты и ребячества. Так же как и польские мятежи, польские шалости делаются исподтишка, украдкой. Польские дети — совершенное подобие родителей»²⁵. Впрочем, это же казалось Корнилову залогом неизбежного поражения «полонизма»: «Изменой и злодействами нельзя создать прочного государства. Для этого нужна действительная сила, которой в шляхте и ксёндзах нет. Польская интрига и пресловутый ржонд сделались посмеянием даже для евреев. В Могилёвской губернии и во многих других местах одни мужики, без пособия войска, перевязали панов и ксёндзов и покончили дело»²⁶.

Не доверял Иван Петрович и «примирившейся» с русским владычеством шляхте. Её типичным представителем он считал крупного землевладельца Леона Ошторпа, ярко изображённого в 1866 г. в письме к Делянову: «Этот вельможный служил против России в войсках Наполеона, потом был слишком 40 лет сряду сначала игуменским уездным, а потом минским губернским предводителем дворянства. Нашему брату русскому за измену государству досталось бы, как и следует; а польским подданным в русских губерниях измена сошла с рук. Ошторп властвовал в своём поместье неограниченно. Крестьяне стонали под тяжким ярмом. Пан выстроил великолепный каменный замок с картинной галереей, зимним садом, библиотекою... Обширная прихожая и несколько зал увешаны сотнями больших портретов, то во весь рост, то грудных: все польские знаменитости и родовые портреты; паньи в великолепных нарядах, паны в кунтушах, мундирах польских и наполеоновских; кое-где и наши камергерские мундиры, монахи, монахини разных орденов, прелаты, польские короли и проч. В других залах — громадных образов картины: Собесский в Вене, Болеслав вступает в Киев, вбивает железные пограничные столбы в р. Днепр и т.п. В самой парадной гостиной, именуемой цесарскою, две большие картины: Александр I подписывает амнистию полякам; Павел I навещает в Петропавловском каземате Костюшку (сцена небывалая и вымышленная изобретательным воображением поляков)... Выбор картин показывает, какие идеалы носил в душе русский предводитель дворянства. И этот человек был 40 лет с лишком во главе панства и шляхетства». Обратив своих православных крестьян в католичество, Ошторп «кончил свою жизнь трагическим образом. Он ехал в

²⁴ РГИА, ф. 970, д. 193, л. 1–1 об.

²⁵ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 208. Со своей стороны «родители» посылали гр. Баранову, управлявшему Северо-Западным краем в 1866–1868 гг., анонимные доносы, жалующься на попечителя учебного округа. «В Виленской гимназии, — сообщалось в одном из них, — в 4 классе в настоящее время производятся экзамены с обидою учеников вероисповедания римско-католического. Инспектор с учителями ставят баллы худыя в журнале ученикам, хорошо отвечающим на вопросы учителя; это гонение в продолжение года было предсказано некоторыми учителями, ибо в первой трети учебного года изгнано в гимназии до 40 учеников вероисповедания католического, но роптание родителей... заставило совет учителей отменить, и некоторые ученики были возвращены в класс, но добродушные некоторые учителя высказали в классах, что возвращённые пусть не надеются перевода в высший класс, хотя бы знали уроки, то хороших баллов не получают; между тем ученикам вероисповедания православного почти всем, которые и слова одного во время экзамена на вопросы... не могли отвечать, поставлены цифры хорошие и весьма хорошие» (ОР РНБ, ф. 377, д. 74, л. 3).

²⁶ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 116.

открытой коляске с тремя дочерьми. Кучер, который его вёз... рассказывает, что когда они въехали на мост, Ошторп, довольный и гордый своими действиями, сказал: «Теперь тут нет России»; но в ту же минуту мост обрушился, и экипаж полетел в реку. Место было не глубокое, все остались живы, один только пан умер, говорят, от апоплексии... Никто из крестьян не пришёл проститься с трупом, который погребён в бывшем костёле, ныне обращённом в церковь. Вот вам образец польского землевладельца в западных губерниях»²⁷.

При этом катковская идея «располячивания костёла», т.е. русификации католичества, и превращения поляков в русских католиков, вызывала у Корнилова крайнее неприятие. Он резонно полагал, что «не звуки и слова, но религиозные верования, ими выражаемые, возбуждают природу человека и влияют на его убеждения», и «католицизм, на каком бы языке ни произносились проповеди, не изменит своего существа». Ведь на русском языке «печатал Герцен свой “Колокол”, и пишет граф Толстой своё Евангелие, сбивая с толку своих поклонников; на том же языке проповедывается и штунда. Опасен не тот или иной язык, но мысли и учения, на нём разглашаемые». Соответственно, и «введение русского языка в костёлы не охранит простодушного белорусского крестьянина-католика от лукавых внушений его приходского ксёндза»²⁸. Напротив, перевод католической мессы «только узаконит католицизм в глазах русского народа, давая ему права русского гражданства», и тогда «латинская вера делается по языку русскою верою, да ещё какою, не церковно-славянскою, как наша православная, а прямо русскою, общедоступною, народною по языку»²⁹. Таким образом, «внося в край животворные русские начала и русскую речь, мы будем укреплять живым родным словом западные начала, т.е. католицизм». «Русский язык под руку с католичеством — что за насильственный союз, что за пара! — восклицал Иван Петрович. — Какой расчёт заводить русский иезуитизм»³⁰. При этом он проводил довольно любопытную параллель: «Известно, что по внешности и по духу между католицизмом и буддизмом много сходства. Буддисты имеют также своего папу; но их папа в Тибете, его никто из европейских государей не поддерживает. Тем не менее и этот азиатский, грубый тип папства влиял на наших бурят и астраханских калмыков. Но с азиатским папой легче сладить; с ним мы не церемонились и конкордатов не заключали. Как почувствовали его вмешательство, так и прервали всякие связи наших буддистов с своим церковным главою, определили штатное число духовенства, храмов и сами стали назначать главных лам. Но с римским папизмом труднее сладить и русский язык нам в этом не поможет. Не думаю, чтобы папа римский очень огорчился, если его учение будет излагаться на русском языке»³¹.

В православном и католическом духовенстве Корнилов видел «два... противоположных нравственных типа». Существенное отличие католицизма от православия, по его мнению, составляли не догматические разногласия, «непонятные простому народу», а «противоположность иерархического строя» и агрессивность латинства³²: амбиции пап вели к постоянным братоубийственным войнам между католиками (если «миролюбие есть отличительные качества православных церквей и их духовенства», то «в истории католических народов мы не видим того дружелюбия и согласия духовных властей, какие составляют характерную особенность истории всех православных народов»)³³.

²⁷ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 227–228.

²⁸ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 4–5.

²⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 219–220.

³⁰ Там же. С. 226–227.

³¹ Там же. С. 220.

³² Соответствующий отрывок его брошюры на данную тему был даже удалён духовной цензурой (РГИА, ф. 970, д. 144, л. 71 об.).

³³ Там же, л. 20–25

Выступление Корнилова против «русского латинства» вскоре привело к столкновению с Катковым. Летом 1866 г. на страницах виленского «Виленского вестника» появилась статья Кояловича, критиковавшего «Московские ведомости» за «невероятные вещи об отделении народности от веры»³⁴. В ответ катковские издания обвинили автора и стоявшего за ним попечителя Виленского округа в клерикализме. К полемике присоединились и противники «русской партии». В 1868 г. Корнилов жаловался окружному инспектору Н.Н. Новикову на то, что «трубят Катков, Киркор, Скарятин, Корш, Де-Пуле, Бессонов. Они печатают пасквилы в “Московских ведомостях”, “Новом времени”, “Современных известиях”, де-пулевскому дурацком вестнике, “С[анкт]-Петербургских ведомостях”. Где прикажете отвечать на эти нападки справа, слева, сзади всей тучи анонимных корреспондентов и передовых статей?.. До чего дошёл Виленский учебный округ, что только у Краевского и можно печатать ответные статьи на эту озлобленную брань»³⁵. Впрочем, конфликт Корнилова с Катковым не носил личного характера и не был, вопреки позднему утверждению Н.С. Лескова, вызван «завистью бессильного подражателя» к влиятельному московскому публицисту³⁶. Судя по тому, что Михаил Никифорович позднее регулярно бывал на корниловских четвергах, расхождения между ними не носили непримиримого характера.

Конечно, для Корнилова «цивилизационный» разлом проходил в первую очередь по религиозной границе. Однако он не отрицал и роли этнического фактора, утверждая, что «кровь, язык и религия — вот три главные силы, объединяющие народ в единые группы»³⁷. В то же время этничность не имела для него безусловного значения. Так, отстаивая национальное начало в политике, он признавал его неуместным «в делах частных и общественных, касающихся прав частной собственности и охраны личной и общественной безопасности и порядка»³⁸. Как отмечали современники, Корнилов не отличался «тем национализмом, который внушает угнетать не свою национальность, давить чужих, жить на их счёт, отрывая у других средства, которые обращаются потом на материальную пользу исключительно своему народу; у Корнилова не было угнетающего, возбуждающего борьбу национализма; не к тому, чтобы ухудшать положение других, было направлено служение Корнилова национальной идее, а к тому, чтобы работать на пользу своего народа; но вместе с тем он признавал нравственным долгом не закрывать глаз и не бездействовать, если кто-либо, под шумок громких фраз и под прикрытием служения более высоким идеям, на деле бесцеремонно преследует цели, совершенно несогласные с тем, что провозглашается, и очень часто — по духу своему именно самые узкие националистические»³⁹.

Весьма показательно отношение Корнилова к литовскому языку, который он считал родственным славянским, всячески добиваясь его перевода на кириллицу и введения в православное богослужение (в этом ему активно содействовал К.П. Победоносцев⁴⁰). Будучи попечителем Виленского округа, Иван Петрович одобрил разработанный С.П. Микуцким вариант литовского кириллического алфавита из 28 знаков, на основе которого в 1864 г. был напечатан букварь «Абецеле жемайтишкай лѣтуйшка». Отмечая отсутствие у литовских крестьян склонности к политическому национализму и явно переоценивая их

³⁴ Виленский вестник. 1866. № 146. 9 июля.

³⁵ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 385, 388.

³⁶ Лесков Н.С. На смерть Каткова // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. 11. М., 1957. С. 161.

³⁷ РГИА, ф. 970, д. 144, л. 7.

³⁸ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 6.

³⁹ Чечулин Н.Д. И.П. Корнилов. Некролог. СПб., 1901. С. 6.

⁴⁰ ОР РНБ, ф. 377, д. 998, л. 1.

стремление исключительно к личной безопасности и религиозной свободе⁴¹, Корнилов пропагандировал «укрепление жмудской национальности, вовсе не враждебной России и правительству в низших слоях населения, и постоянное внушение крестьянам, что они не поляки, а жмудины и литовцы, и что Россия не желает вовсе обрусить их, а хочет только сблизить их интересы с интересами государства»⁴². Опыт этого сближения не всегда был удачен. Так, в середине 1860-х гг. Виленский учебный округ отпечатал тираж польских, литовских и латышских католических молитвенников на кириллице. Но, как вспоминал И.Я. Спрогис, «не знаем, по чьей инициативе и по чьей цензуре, было решено при настоящем издании их исключить из текста все те места, которые были направлены против Восточной Православной Церкви, а также против русского правительства». Разумеется, это вызвало возмущение католического духовенства, и разосланные по приходам книжки «канули, точно в воду»⁴³.

Вместе с тем, полемизируя с «занимающими иногда высокое положение людьми, которые не придают значения национальным и религиозным различиям», Корнилов настаивал на том, что «тысячелетнее существование русского государства, обособленность русского народа и самый принцип государственного самодержавия поддерживаются не иноверцами и инородцами, обитающими в России, но коренными русскими, исповедывающим православную веру народом, составляющим в прямом смысле надёжнейший русский государственный элемент». Для него не подлежало сомнению, что «если б в народе и в нашей армии преобладали не русские люди, но поляки, евреи и другие инородцы, то в наших летописях не было бы ни событий 1612-го и 1812-го годов, ни Минаина и Сусанина, ни Бородинской битвы и Севастопольской обороны. Да и на будущее время не инородцы и иноверцы будут поддерживать Россию и её самодержавие». Соответственно «русские государственные правители, обязанные охранять целостность, честь, достоинство и благосостояние России, — не должны забывать, что, так как русское государство и его самодержавная форма правления созданы и поддерживаются никем иным, как именно русским православным народом, то этот последний поэтому и составляет основной русский государственный элемент»⁴⁴.

В «демократизме славянской расы... обещающем России великую и славную будущность», Корнилов видел «то, чего невозможно изменить; природные свойства суть особенности народа, составляющие его племенное отличие от других национальностей»⁴⁵. Однако эта «свойственная нашей славянской природе демократия, всегда преданная самодержавию», не имела, по его мнению, ничего общего с западной, как и европейская аристократия — с «нашими верным, неприхотливым и уже совершенно верноподданным дворянством». «Западная демократия, — утверждал он в своих “Записках о демократизме и монархизме”, — есть не что иное, как живой протест обыкновенного обезземленного большинства, так называемого пролетариата, против сложившегося исторически и присущего западным романо-германским народам феодализма. Демократизм на западе есть оппозиция, революция, возмущение против существующего порядка. Но наша славяно-русская демократия против чего может восставать, особенно теперь, когда крепостное состояние, которое, впрочем, не имеет сходства с пролетариатом, уничтожено». Иван Петрович сетовал о том, что «нас сбивает привычка к явлениям русской жизни применять безразборчиво иностранные выражения и определения. Таким образом, русская аристокра-

⁴¹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 28.

⁴² Там же. С. 39.

⁴³ Спрогис И.Я. Из воспоминаний об И.П. Корнилове // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. 1911. Кн. 2. С. 268.

⁴⁴ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 5–6.

⁴⁵ РГИА, ф. 970, д. 150, л. 2 об.

тия (т.е. по праву жалованное, служилое дворянство) и польская или немецкая аристократия, и русский демократизм (или попросту, весь русский народ целиком, со включением и его дворянства) и западно-европейский демократизм (т.е. попросту недовольно большинство) — всё принимается за однозначный. Поэтому есть добродушные русские, которые и теперь не видят разницы между русским дворянином, преданным престолу, и дворянином западных губерний, мечтающим о возобновлении крулевства и ненавидящим добродушных москалей за их хлопскую веру»⁴⁶.

Памятуя про упрёки публицистов газеты «Весть», Корнилов уверял, что «русская демократия представляется красною и революционною только в воображении и отчаянных речах польских магнатов западных губерний и остзейских баронов»⁴⁷. К самой «Вести» он относился с нескрываемой антипатией: «Можно ли, — недоумевал Иван Петрович, — без глубокого негодования и скорби слушать и даже читать в известной газете самовосхваления так называемой русской консервативной аристократии и порицающей неповинного русского народа, голословно обвиняемого в кровожадных и анархических инстинктах, в стремлении к разрушению, в вражде и ненависти к монархическому началу»⁴⁸.

В 1868 г. новый генерал-губернатор А.Л. Потапов начал чистку края от «муравьевцев» и «кауфманистов». Оказавшийся в числе первых отстранённых, Корнилов считал, что «генерал Потапов был доверчиво расположен к польской аристократии, или так называемой партии белых, имевшей большую силу в Петербурге, и был безусловным противником русской исторической политики графа Муравьева». Ивану Петровичу «тяжело было видеть, как заслуженных, достойных русских людей изгоняли, не из Польши, не из Кракова, а из коренных русских и литовских областей, — и не за преступления против службы или нравственности, а за их любовь к России, за пламенную готовность служить ей самоотверженно»⁴⁹. Впрочем, дело было не только в полонофильстве Потапова. Бывшего управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии беспокоила любая «идейность» и «самодетельность» на службе⁵⁰. Современники жаловались на то, что при Потапове «русское общество в Вильне не могло объединиться, так как всякая частная инициатива строго преследовалась», и «появляющиеся идейные чиновники, заявлявшие о своём патриотизме и о своей самостоятельности, изгонялись; а местному органу русской печати даже запрещалось касаться польского, еврейского и других вопросов». В результате, «находясь под правительственной опекой и занятые исполнением многочисленных циркуляров и предписаний, русские люди так и не заметили, как в последнее время объединились и сплотились отдельные народности. Даже небольшие, как литовские и мусульманские группы, заявили о своей самостоятельности в ущерб русским интересам»⁵¹.

Сам Корнилов «до конца своей жизни... жил воспоминаниями своих светлых, исторических виленских дней»⁵². Из Вильно он вернулся в Петербург, стал членом Совета министра народного просвещения, занимал различные административные посты, активно участвовал в деятельности Славянского благотворительного комитета и даже был несколько лет председателем его Санкт-Петербургского отдела, иногда заседавшего непосредственно в доме Ивана Петровича, который стал в начале 1870-х гг. одним из центров притя-

⁴⁶ Там же, л. 1–1 об.

⁴⁷ Там же, л. 1 об.

⁴⁸ Там же, л. 3.

⁴⁹ ОР РНБ, ф. 377, д. 11, л. 1–1 об.

⁵⁰ Подробнее см.: *Комзолова А.А.* «Положение хуже севастопольского»...

⁵¹ *Гене А.* Виленские воспоминания // *Русская старина*. 1914. № 6. С. 585.

⁵² *Жукович П.* Иван Петрович Корнилов и его последнее научное предприятие // *Церковный вестник*. 1901. № 39. С. 1239.

жения и общения различных представителей консервативной интеллигенции. Регулярно бывавший у него А.В. Никитенко отмечал, что «здесь собираются лица, ратующие против поляков»⁵³. В разное время он встречал среди них М.Н. Каткова, А.И. Георгиевского, Т.И. Филиппова, М.О. Кояловича, П.К. Щербальского и др. Впрочем, сам Никитенко чувствовал себя там, «на нейтральной почве», похоже, несколько неуютно. «Первый вечер после летнего отдыха у И.П. Корнилова... Кого тут не было и сколько людей тут было! — записал он в дневнике 2 октября 1871 г. — И каждый со своими тенденциями политическими, литературными, общественными. Но это само собой разумеется: сколько голов, столько умов. Не в этом и дело. Разнообразие в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разноголосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытные. Вступая в разговор с другим, каждый сначала будто готов на компромисс; он любезно приглашает вас высказать ваше мнение, по-видимому для того, чтобы прийти с вами в соглашение или признать за вами право на собственное мнение. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встретите такой отпор, как будто нанесли вашему собеседнику личное и кровное оскорбление. И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всём господствует пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе, как в чаду, с отягчённою головою»⁵⁴.

Идейные расхождения между консерваторами были тогда ещё не столь велики. К примеру, Филиппов, позднее называвший Каткова не иначе как «московским опричником»⁵⁵, 19 июля 1870 г. в письме к Корнилову характеризовал редактора «Московских ведомостей» как «единственного в литературе стража нашей народной чести и выгод нашего отечества»⁵⁶. Князь В.П. Мещерский обращался к Ивану Петровичу в характерной для него пафосно-заискивающей манере: «Вы меня совсем бросили и знать не хотите, невзирая на все мои темпераментные чувства к Вам как к одному из пастырей нашего маленького кружка берегущих предание, но всё же дерзаю напомнить Вам если не о себе, то хотя бы о “Гражданине”, коего Вы всегда были читатель добрый и руководитель полезный»⁵⁷.

В 1870-е гг. помимо поляков в корниловской публицистике всё чаще критиковалась либеральная интеллигенция и западническая петербургская бюрократия. Именно её Корнилов (вслед за Катковым и славянофилами) обвинял в дерусификации окраин, утверждая, что «прочно установившийся с 1802 года в Министерстве народного просвещения и в учреждениях, вверенных ему, полный религиозный и национальный индифферентизм составляет и в наше время одно из отличительных отрицательных качеств русских высших и средних учебных заведений». По мнению Ивана Петровича, «типическим представителем русского космополитизма был первый министр народного просвещения граф П. Завадовский», который «усердно помогал князю Адаму Чарторыйскому и Фаддею Чацкому в их усилиях к ополячению западной России и к искоренению в ней православия и всяких следов русской культуры»⁵⁸. Вследствие подобной политики «прежняя способность к ассимилированию инородцев, отличавшая наших предков, значительно ослабла. Теперь на наших глазах развивается беспрепятственно и с каждым годом усиливается стремление к сепаратизму даже в Малороссии, нашей единой и единокровной, добровольно

⁵³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. Л., 1956. С. 135.

⁵⁴ Там же. С. 213–214.

⁵⁵ Пророки византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 225.

⁵⁶ ОР РНБ, ф. 377, д. 1190, л. 10 об.

⁵⁷ Там же, д. 895, л. 6.

⁵⁸ РГИА, ф. 970, д. 152, л. 4–4 об.

с нами соединившейся и никогда не мечтавшей об отдельном политическом существовании. Даже мелкие кавказские народцы — и те стали мечтать об отделении от России»⁵⁹.

Известная доля ответственности за это возлагалась и на Академию наук. Корнилов видел в ней «какое-то растение экзотическое, которое не привилось к русской жизни, которое не имеет на государство никакого влияния». Ему представлялось, что «Академия должна быть непременно государственным учреждением, должна существовать для государственной пользы, должна иметь живое влияние на правительство, готовить ему материалы, знакомить его с народом, богатствами и свойствами обширных и разнообразных областей. Между тем в настоящее время академия, не будучи проникнута духом патриотизма, не заботится о влиянии на современное движение России, занимается только отвлечённостями наук, не содействуя правительству и не применяя науки к жизни, к действительности — есть учреждение бесполезное — в смысле государственности — существующее для редкости, для забавы, из подражания, и потому не пользуется народностью»⁶⁰.

История и теория отечественного образования с 1860-х гг. постоянно привлекала внимание Корнилова⁶¹. Его перу принадлежали ценные работы о русской школе и организации учебного процесса в западных губерниях⁶². В последние годы жизни он выпускал «Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения», разумеется, подробно освещаая в нём иезуитские и польские «козни»⁶³. До самой своей смерти в 1901 г. Иван Петрович продолжал писать газетные статьи, не отличавшиеся, впрочем, особенной оригинальностью и повторявшие общие места аксаковской и самаринской публицистики 1860-х гг. Чаще его они появлялись на страницах издававшегося В.В. Комаровым «Света», но выходили и отдельными книжками. В мае 1901 г. К.П. Победоносцев представил эти брошюры Николаю II, передав затем публицисту «сердечную благодарность» последнего самодержца⁶⁴.

В 1890-х гг. Корнилову казалось, что Россия наконец-то вступает в «пору зрелости и самостоятельности». «Невольно краснеешь от стыда, — признавался он на склоне лет, — вспоминая бестолковое время 50-х и 60-х годов, когда сбитое с толку русское общество поклонялось Герцену и верило болтовне о жестокостях, совершаемых будто бы русским правительством над поляками в Западных губерниях»⁶⁵. Тем не менее, присоединившись тогда же к полемике консерва-

⁵⁹ Там же, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, д. 127, л. 1.

⁶¹ Интересовал его и зарубежный опыт. Как вспоминал А.Н. Куломзин, ещё в конце 1850-х гг. «добрейший Иван Петрович Корнилов» просил его сообщать из Англии и Германии все сведения о тамошних народных училищах и позднее опубликовал эти письма в одном из петербургских журналов (*Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания* / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 78, 104).

⁶² См., например: *Корнилов И.П.* Замечания о народных училищах Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. № 1. С. 191–239; *Корнилов И.П.* О поощрении уездных и приходских учителей к собиранию местных сведений. СПб., 1862; *Корнилов И.П.* Материалы для статистики учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа. СПб., 1862; *Корнилов И.П.* Общие замечания о положении учебно-воспитательного дела в Виленском учебном округе в 1867 году. СПб., 1868; *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьёвскую эпоху. СПб., 1901. Изд. 2: СПб., 1908; *Корнилов И.П.* Очерк истории русской школы, её современное состояние и на каких незыблемых началах она должна быть учреждена. СПб., 1901; *Корнилов И.П.* Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. СПб., 1902.

⁶³ Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения. Т. 1. СПб., 1893; Т. 2. СПб., 1897; Т. 3. СПб., 1898; Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902.

⁶⁴ РГИА, ф. 970, д. 791, л. 1.

⁶⁵ Там же, д. 172, л. 1–1 об.

торов с В.С. Соловьёвым, Иван Петрович вновь обличал уже весь «наш культурный слой» и с явной завистью писал про западных соседей: «Культурные классы этих государств состоят преимущественно из коренных туземцев и отличаются национальным характером и направлением. Немцы имеют основание гордиться своим патриотизмом и говорить, что в 1871 году Францию победил немецкий учитель». В России же из-за «чрезмерно значительной примеси инородного и иноверного элемента, сохраняющего в значительной степени свою национальную обособленность», интеллигенции свойственны «космополитизм и равнодушие к родным интересам»⁶⁶.

При таком положении повышенную тревогу вызывала и немецкая угроза: «Полное торжество Германии в высшей степени возбудило в немцах чувство национальной гордости и самопоклонения, — отмечал Иван Петрович в статье «Об отношении немцев к России», — и убеждение в превосходстве своей расы и своей культуры. Подданные Вестфалии, Баварии, Саксонии и других слабых немецких государств жили спокойно в России, пользуясь смиренно её покровительством и не заявляя никаких особых претензий. Но в настоящее время немецкие симпатии и даже вражда и пренебрежение к русскому народу не только в немецких иностранных переселенцах, обнаружилось и в немецких подданных русского государства»⁶⁷.

Но ещё опаснее было разделение самого русского народа вследствие появления украинского национализма. В «Записке о малороссийском сепаратизме» Корнилов утверждал, что «из всех наших сепаратизмов это самый бестолковый и смешной, и самый гибельный для славянского объединения. В то время как под боком у нас немецкий народ, также как и славяне, разделённый на наречия, не обращает на них внимания и неуклонно стремится к политическому объединению, а следовательно, к могуществу и к господству в мире, — наши сентиментальные хохломаны усердно хлопочут о своём фонетическом произношении и об охранении своих песен, своих свиток, на которые никто не посягает. Всего забавнее, что малороссийский сепаратизм затеян не великими историческими деятелями, не первостепенными учёными и писателями, а сочинён австрийскою политикою и поддерживается политическими агитаторами»⁶⁸.

И в 1860-е, и в 1890-е гг. — в Вильне и в Петербурге — И.П. Корнилов, никогда не являвшийся глубоким или оригинальным мыслителем, придерживался, в сущности, одних и тех же взглядов, усвоенных им, видимо, ещё в период московской молодости. Сколько-нибудь значимой идейной эволюции в его публицистике не прослеживается. Но само это постоянство было весьма характерно для чиновников и общественных деятелей, составлявших «русскую партию» в эпоху Великих реформ.

⁶⁶ Там же, д. 163, л. 3 об.

⁶⁷ Там же, д. 162, л. 4.

⁶⁸ Там же, д. 175, л. 1–1 об.